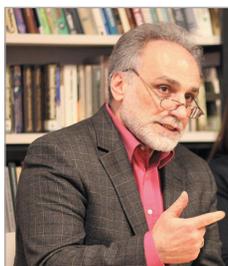

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ РЕПЛИКИ

©2020 Р.Г. АПРЕСЯН, И.А. МИХАЙЛОВ

ИМПЕРАТИВНОСТЬ — РЕПРЕССИЯ — АВТОНОМИЯ

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: apressyan@mail.ru

Михайлов Игорь Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории современной западной философии. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Электронная почта: ia.mikhaylov@yandex.ru

Аннотация. Беседа из цикла «Анатомия философии: Реплики» посвящена одной из центральных проблем практической философии — императивности в контексте морали. Императивность ассоциируется с нормами, правилами или, говоря обобщенно, требованиями — с их способностью воздействовать на решения, поступки, суждения людей. Требования в целом детерминированы целями и ценностями разного рода, а моральные требования представляют собой ценности в их предъявленности к практическому исполнению. Императивность — качество моральных ценностей, позволяющее им включаться в общественную практику, воздействовать на поведение людей; этим они отличаются, например, от художественных ценностей, которые по существу императивно нейтральны. Императивный характер моральных ценностей нередко воспринимается самим моральным сознанием

и между этими характеристиками не может не быть напряжения. Не говорю уже о том, что они по-разному интерпретируются в различных социальных и философских теориях, соответственно, в различных образах предстает сама мораль. В связи с этим возникает масса существенных проблем, и наиболее интересные из них нам сегодня предстоит обсудить. Я рада представить наших гостей. Это доктор философских наук профессор Рубен Грантович Апресян, заведующий сектором этики Института философии Российской академии наук и кандидат философских наук старший научный сотрудник сектора истории современной западной философии того же института Игорь Анатольевич Михайлов.

Передаю слово Рубену Грантовичу.

Р.Г. Апресян. Спасибо, Юлия Вадимовна. Начать я бы хотел с одного события. 9 декабря 2017 года в Большом театре с огромным успехом прошла премьера знаменитого балета «Нуреев». А по завершении спектакля случилась некоторая акция: на последние поклоны балетмейстер Юрий Посохов и некоторые танцовщики вышли в майках с портретом Кирилла Серебренникова и надписью «Свобода режиссеру». В партере сидели знаковые фигуры российского истеблишмента, в том числе пресс-секретарь Президента.

В этом жесте, беззвучном, но громко прозвучавшем, было несколько смыслов, в том числе и заявление, обращенное к власти, в частности, непосредственно вот к данным конкретным лицам. Конечно, можно сказать, что им все — божья роса. Но это ведь не личное обращение, а нечто большее — публичный жест, заявление обществу о своей позиции, о солидарности с Кириллом Серебрянниковым. А значит, и о несогласии с тем, что с ним творит власть. В более общем плане этот жест — демонстрация противостояния. Но, надо прямо сказать, противостояния сугубо символического, на самом деле ничего не меняющего.

Станислав Кучер, известный журналист и главный редактор проекта «Сноб», обратился к Григорию Чхартишвили (Борису Акунину) с просьбой прокомментировать это событие: есть ли смысл в таком противодействии и если есть, каков он? Чхартишвили отозвался небольшим текстом, рассматривая свое высказывание не более как повод для дискуссии. Он обратил внимание на некоторые моменты, которые имеют, мне кажется, непосредственное отношение к нашей беседе, и один фрагмент его реплики я хотел бы процитировать: «Во всяком обществе, где государство ограничивает демократические свободы, возникает одно и то же явление. Многие оказываются перед необходимостью все время решать, что для них важнее — собственные убеждения и принципы или собственная же выгода. Это, как правило, далеко не

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

В порядке примечания я бы хотел отметить, что принципиальность — это не крайняя противоположность приспособленчеству. У Чхартишвили принципы противопоставляются приспособленчеству. Однако крайняя противоположность приспособленчеству — это нормативный ригоризм, педантизм. Стало быть, принципиальность — это, почти по Аристотелю, некоторая «золотая середина». Однако задумается (и это еще одно примечание): «выгода», оказавшись *началом* решения, действия или оценки, формально говоря, тоже предстает в качестве принципа, не важно, в какой форме это начало осознается и осознается ли вообще.

Эти семантические уточнения необходимы, чтобы задать рамку обсуждения, хотя мы, вроде бы, и так понимаем, что говорит Чхартишвили, не очень беспокоясь о семантической точности. Есть принципы, есть убеждения, есть верность самому себе — и есть забота о своей выгоде, которая изменчива. В этом смысле задается как будто бы конъюнктура извне. Отсюда и «приспособленчество».

Тем не менее, упоминая принципы и убеждения, Чхартишвили оставляет решение дилеммы на уровне *склонностей, предпочтений*. Он как бы говорит: желанно ли мне быть достойным или желаннее покой и благополучие?

В кратком рассуждении Чхартишвили я слышу своего рода квиетизм: этим символическим действием по завершении спектакля в Большом театре ничего изменить нельзя, — но можно сохранить самоуважение, можно утвердиться для себя самого в своем собственном достоинстве.

Полагаю, Чхартишвили лишь намечает возможные ходы рассуждения, особенно по ним не продвигаясь, поскольку имеет в виду, что его реплика — это начало дискуссии. На выступление Чхартишвили сразу отреагировал репликой Евгений Ройзман, известный общественный и политический деятель.

Ройзман переводит рассуждение на другой уровень — собственно нормативный. При столкновении с дилеммой, подобной той, которая обозначена Станиславом Кучером, говорит Ройзман, я *руководствуюсь следующими правилами*. Обратим внимание на то, что в разговоре появляются «правила», и это правила, которые Ройзман выработал для себя сам. Эти правила ничего оригинального собой не представляют, но это неважно, а важно то, как человек их осмысливает.

Что это за правила? «...первое правило: если на моих глазах происходит что-то плохое, и я не могу это изменить, то я могу выбрать в этом не участвовать. ... Понятно же все: не можешь изменить — хотя бы не принимай личного участия. Второе: я оставляю за собой право говорить то, что я думаю, и никто в мире не сумеет

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

да и вообще всей — и моральной, и этической — рефлексией по этому поводу. Высказывание Ройзмана в этом смысле неожиданно: он персонализирует общий принцип. Эта траектория нормативного рассуждения от мэра Екатеринбурга¹ мне кажется очень интересной.

И тут же (оговорив, впрочем: «С другой стороны») он разъясняет: «С другой стороны, критерий очень простой. Пройдет время, и твои дети спросят: “Папа, а ты что делал в той ситуации?”. И тебе нужно будет им что-то ответить. Вот от этого можно отталкиваться». Я нахожу последнее чрезвычайно интересным: говоря о «своих правилах», обозначая невозможность обращения своих правил даже в форме общего и очевидного (до тривиальности) принципа другим, Ройзман представляет иной (по сравнению с Чхартишвили) коррелят ответственности: мне предстоит отвечать перед своими детьми. Разумеется, вопросы такого рода задают повзрослевшие дети — но все равно это дети. Я должен поступать так, чтобы сохранить свое лицо перед теми, чье мнение для меня важнее всего. В универсальной безличной морали я отвечаю в первую очередь перед моральным авторитетом. Ройзман своим ответом как бы говорит о другом: я отвечаю перед дорогими мне, и я должен сохранить перед ними свой авторитет.

На самом деле, «мои дети» — это аллегория будущего, аллегория вечности. Если мы предположим, что эта аллегория актуальна для Ройзмана, то мы выходим на иной уровень нормативной рефлексии, и он совершенно неслучаен. Здесь актуализируется древнейшая модель морального мышления. Не могу не вспомнить в связи с этим выбор гомеровского Гектора, предводителя троянцев, перед своим последним боем. Под напором разгневанного Ахилла все войско троянцев ретировалось за крепостные ворота Трои. Гектор остается один перед наступающим Ахиллом. Он отвергает разумные аргументы своего отца — царя Трои Приама, призывающего укрыться за стеной крепости и со стены вести бой; таким же незадолго до этого был совет его жены Андромахи: в сражении со стены гораздо больше шансов защитить город. Он тем более отвергает сердечные увещания матери не идти на верную смерть. Он решается на бой, выбирая славу, побуждаясь страхом стыда «перед каждым троянцем и длинноодежной троянкой». Слава в памяти народной — это та же ответственность перед будущим, перед вечностью.

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

¹ В декабре 2017 года Е. Ройзман — председатель Екатеринбургской городской думы.

выбора и т.д. Воспринимая их таким образом, мы можем начать реконструировать не совсем явные (для кого-то совсем не явные) общие моральные смыслы, хранящиеся в этих речах.

Это последнее рассуждение, при всем моем внимании к тому, что было сказано уважаемыми мною людьми, исходит как бы извне. В этом смысле я не могу включиться в дискуссию не только потому, что я не член клуба «Сноб» — можно было бы туда записаться, — а потому, что я, обсуждая эту дискуссию, нахожусь в другой позиции.

Завершая свою вступительную реплику, я хотел бы отметить два момента. Один — очевидный, но все-таки требующий фиксации: я говорил о нравственном выборе, его детерминантах и основаниях. Однако императивность — феномен гораздо более широкий, чем мораль, и даже гораздо более широкий, чем разные формы социальной дисциплины (обычай, ритуалы, административное управление, правовые законы и т.д.) [1]. Второе: в разных формах императивности удельный вес нормативно выраженных средств побуждения или предупреждения действий (в виде норм, правил и т.д.) различен. Наиболее контрастными здесь являются право и мораль. Правовая императивность всегда нормативно оформлена, а моральная императивность — в значительной мере, но не полностью. Причем на разных уровнях моральных решений (морального развития) нормативная компонента актуализируется в различной степени, и мы это могли увидеть очень хорошо на примере высказываний Григория Чхартишвили и Евгения Ройзмана.

И.А. Михайлов. Рубен, большое спасибо за предложенный анализ. Я постараюсь начать с того, что прозвучало в заключительной части твоей реплики. Ты говорил о том, что императивность — это достаточно широкое понятие, так вот именно эта широта представляет для меня наибольшие трудности. Прежде чем прокомментировать разбираемые тобой на примерах Ройзмана и Чхартишвили ситуации, я хотел бы вспомнить несколько достаточно тривиальных вещей, которые с этой темой связаны.

До того, как Кант предложил свою систему императивной этики, проблемы императива фактически не существовало. Но затем мы начинаем об этом говорить, проблема входит в области морали и права. Впоследствии она начинает обсуждаться и в плане языковом; в XX веке становится предметом также и логических исследований. Но это только с тех пор, как Кант постарался достаточно радикально переориентировать этическую рефлексию предшествующего времени. Эта переориентация была вызвана разными представлениями, но стала возможной также и благодаря тому, что называют «духом времени». В первую очередь я имею в виду то, что сейчас называют эпохой ранних буржуазных

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

тщательно следить за тем, насколько к мотивам наших действий примешиваются также какие-либо материальные или какие-то конкретные побудительные мотивы — полезность, благоразумие, приятность того или иного действия. Кант говорит об императивах в различном смысле, однако собственно моральным он признает только тот императив, который от всей этой фактичности, от всякой материальности отвлекается. Иначе говоря, Кант не берет в расчет ни полезность, ни целесообразность того или иного возможного действия, которое может стать результатом следования этому правилу. Вполне последовательным воплощением этого принципа оказывается то, что подлинно моральное действие следует лишь только этому формальному принципу — действовать так, чтобы твое действие могло бы стать образцом действий для всех других людей, «принципом всеобщего законодательства». Это значит, во-первых, что, императивность, о которой говорит Кант, не так уж безразлична к следованию других этому правилу (вспомним «нельзя от других требовать...» Ройзмана). Во-вторых, *удовольствие* от морального поступка не только не служило бы показателем его моральности, но, наоборот, свидетельствовала бы об обратном. Мы знаем, что эти черты моральной философии Канта неоднократно подвергались в последующем критике или насмешкам. Подлинно этический человек, иронизировал Шиллер, должен остерегаться испытывать удовольствие от того, что он делает; подлинно моральное — лишь то, что выполняется с неохотой.

Здесь проявляется достаточно серьезная проблема, связанная прежде всего с тем, какая онтология человека берется за основу. Доверяет ли, собственно, Кант человеческой природе? Не очень. Известно его высказывание о том, что «из очень кривого дерева сделан человек». Собственно говоря, именно поэтому необходимо самодисциплинирование, предлагаемое практическим разумом. Оно требуется для того, чтобы наши действия, реализации наших волевых импульсов оказывались моральными.

Дело в том, что во всех последующих системах, предложенных в качестве критики кантовской этики, под сомнения ставилась как раз сама изначальная онтология, на которую опирается Кант, не всегда ее эксплицируя. Я сошлюсь здесь на одного из наиболее ярких критиков кантовской философии — Макса Шелера, который исходит из совершенно другой системы или другого представления о человеке и о мире. Шелер обращает внимание, что «материальное», о котором рассуждает Кант, есть материальное или практическое уже какого-то определенного уровня. Если бы мы постарались изобразить ту альтернативу, которая видится Шелеру, то можно было бы себе представить многоуровневую структуру, где на наиболее базовом уровне располагалась бы чистая

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

следует какому-то осознанному выбору? Или следует законодательству? Или идеалам какой-то своей отдельной группы, которая побуждает его быть либо смелым, либо гордым, либо заявлять о тех или иных принципах. Альтернативный подход к тому, как можно было бы посмотреть на эту проблему, я видел бы в иной онтологии человека или в иной онтологии самого общества, в котором человек рассматривается.

Р.Г. Апресян. Игорь, я вижу, что ты задал, по сути дела, два возможных варианта обсуждения этой проблемы — императивности и человека перед лицом императивности. Насколько релевантна в данном случае такая формулировка тому, что ты говорил выше? — Я имею в виду кантовскую и шелеровскую версии императивности. Если человек, по мысли Канта, — «кривое дерево», если он изначально не дотягивает до морали и поэтому должен себя взнуздать, то возникает вопрос: благодаря чему он оказывается на это способен, как его кривизна может превратиться в прямизну?

И.А. Михайлов. Мне трудно дать ответ за Канта.

Р.Г. Апресян. Я как раз хочу от Канта отвлечься, потому что с Кантом, конечно же, не все, но многое ясно. Идея Канта такова: человек благодаря своему разуму постигает нравственный закон и приводит в соответствие с нравственным законом свои решения и действия, а точнее, те принципы, которыми он готов руководствоваться, принимая решения и совершая действия. Я понимаю, что Кант конструирует идеальный образ морального мышления. В этом смысле Кант нам говорит не о человеке, а о моральном мышлении. Однако каков соответствующий так понимаемому моральному мышлению человеческий опыт, в частности, опыт человеческих отношений?

И.А. Михайлов. Я не являюсь сторонником той позиции, которую здесь изложил. Я лишь описывал ее как исходную, как ту, которая задала определенное направление развитию моральной философии. Мне кажется, что до конца у Канта нет ответа на этот вопрос. Однако источником нравственности в любом случае были бы наличие моральных идеалов (как для всех идеалистов) и наличие ясных ориентиров в виде прописанных законов и того самого императива. Это является механизмом, который в конечном счете создает возможность, но не гарантию того, что человек станет нравственным. Мне кажется, что Кант здесь как раз даже более трезв, чем многие из тех идеалистов, которые за ним следовали или, точнее, принадлежали к этой традиции. Для многих последующих это, скорее, было элементарной тождественностью осознания нравственного закона, осознания чего-то

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

Р.Г. Апресян. Если есть несовместимые комплексы этических норм, то как возможна коммуникация? Мне кажется, мораль как некое социальное устройство, как социальный институт обеспечивает условия, предоставляет средства для преодоления то и дело возникающих обстоятельств ценностной несовместимости, разобщенности.

Ю.В. Синеокая. Это может быть иллюзия, ошибка.

Р.Г. Апресян. Что может быть иллюзией или восприниматься как иллюзия?

Ю.В. Синеокая. Ощущение близости принципов. Может быть, вкладывается другой смысл, когда речь идет о том, что люди единомышленники? Потом в какой-то ситуации они выясняют, что это не так.

Р.Г. Апресян. Конечно, так случается, и, к сожалению, довольно часто в сложных, разнофакторных ситуациях. Бывает, что в момент, когда надо принимать совместные решения, обнаруживается, что они невозможны в силу глубоких разногласий. Но мне кажется, что не всегда речь идет о различии убеждений.

На первом плане чаще — не столько создание общности мировоззренческих установок, сколько просто согласование интересов, сближение позиций, по обеспечению общежития. Это, конечно, далеко от нормативного идеализма. Мораль часто понимается как стезя личного совершенствования. Но это еще и коммуникативный, социальный механизм по упорядочиванию, согласованию людьми своих частных интересов. Думаю, индивиды задумываются о моральных ценностях и обращаются к ним, когда сталкиваются с ситуациями противоречия интересов — своих и чужих, когда возникает необходимость это противоречие разрешить, причем не разрушая саму ситуацию и, тем более, ее участников.

Это согласование интересов может проходить по-разному. Но прежде всего посредством заявления людьми своих позиций, вербального и эмоционального воздействия друг на друга с целью установить взаимопонимание и развить взаимодействие. (Отдельный очень важный вопрос — согласование своих собственных разнонаправленных интересов. Это проблема работы с самим собой, особый случай «заботы о себе», но сейчас я не буду этого касаться). Говоря о согласовании частных интересов, я имею в виду, что частные интересы не навязываются, не утверждаются «с боем». Они предъявляются при явном или предполагаемом соотнесении с ценностями, признаваемыми в данном сообществе универсальными и безусловными (и последнее может также оказываться предметом обсуждения, разногласия и согласования). Частные позиции объясняются и обосновываются на основе этих ценностей. Ожидание или требование

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

альтруизма, который предписывает не просто содействовать благу других, но браться за это, даже поступаясь своими интересами и предпочтениями.

Стоит отметить, что, хотя по своему смыслу альтруизм и эгоизм — антитетичные понятия, однако их нормативный и императивный статус различен: альтруизм — это принцип, а эгоизм — это, скорее, нрав. Такой нрав, который моральными требованиями ограничивается, между тем как принцип альтруизма всего лишь рекомендуется.

Взгляд на императивность сквозь призму межличностных отношений предполагает микросоциальный подход к морали. Такой взгляд позволяет увидеть, что по крайней мере на уровне пожеланий, просьб, мольбы, рекомендаций, советов, приказаний, ожиданий, предостережений и т.д. моральные требования высказываются как личные притязания, подкрепляемые авторитетом, опытом, устремлениями того конкретного лица, которое их выражает [4, с. 143–146]. Это лицо является субъектом требования, и требование это признается другими в силу личного авторитета того, кто его выдвигает, а не каких-то его политических или общественных полномочий.

Однако на коммунитарно-групповом и социальном уровнях картина в значительной степени другая [8, с. 91–98]. Моральные ценности актуализируются в требованиях, обращенных к индивиду как агенту социального взаимодействия, члену сообщества, гражданину. Субъектом требований выступает сообщество. И это меняет императивную ситуацию индивида. Как член сообщества индивид отвечает в конечном счете перед сообществом, как бы он ни поступал и каким бы обязанностям по отношению ли к самому себе, по отношению ли к другим или по отношению к сообществу он ни следовал. Он действует, исходя не просто из своего положения и принятых личных обязательств, но и по логике своего положения в сообществе; самим этим положением задается модальность его обязанностей — они спроецированы на сообщество.

На коммунитарно-групповом и социальном уровнях моральные требования предъявляются и к сообществу. Сообщество — коллективный агент, в компетенцию которого входит общая безопасность, благополучие сообщества и его членов. Моральные требования предъявляют к сообществу его члены (конечно, подобные требования могут предъявлять и представители других сообществ, но это отдельный вопрос, который у меня нет возможности сейчас рассматривать). Однако, обращаясь к сообществу, членами которого они являются, они действуют не как частные индивиды, а как представители самого сообщества, и свои претензии они

*Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов*
Императивность —
репрессия —
автономия

Возвращаясь к заглавной теме, я хотел бы отметить, что невреждение, забота о другом — это именно моральные принципы. Моральные принципы вырабатываются на протяжении истории человечества в порядке обобщения опыта коммуникативного и социального взаимодействия. Сам факт их существования указывает на понимание того, что, то самое «кривое дерево» кантовского человека само по себе не дорастает до восприятия морального закона. Нравственное развитие человека невозможно как естественный, спонтанный процесс, без внешних и внутренних «движителей». Коммуникативное (непосредственно-межличное) и социальное (опосредованное социальными институтами) взаимодействие является важным механизмом трансляции и усвоения моральных ценностей и принципов: включенные в них люди высказывают друг другу ожидания, выражают свое отношение к тому, что происходит, выдвигают требования, вовлекают друг друга в существующий общественный или групповой этос [8, с. 108–119]. Почему я и говорю, что «плохие», в чхартишвилевском смысле слова, люди и есть главная проблема и главная забота морали. Это люди, которые не включаются в такое взаимодействие, не задумываются над происходящим. При этом они могут быть вполне себе невинными, в смысле, простыми, не вдумчивыми, не чувствительными [2]. Когда невинность совпадает с низким уровнем эмпатии, люди оказываются подвластны своим непосредственным желаниям и начинают вихлять в своих решениях и действиях.

Ю.В. Синеокая. А как с этим связана автономия личности? Человек без императива автономен ли? Это же условие в некотором роде.

Р.Г. Апресян. Согласен. Более того, сама автономия является предметом вменения. Характерно, что реплики Чхартишвили и Ройзмана как раз нам демонстрируют самопобудительную императивность — человек сам себя полагает к определенным решениям и действиям. Более того, он делает это в соответствии с определенными принципами. Благодаря чему и как это происходит, хорошо, как мне кажется, показал Игорь, когда говорил о Шелере: человек включается в ценностное пространство. Некоторые ценности выступают ориентирами. Но чтобы они заработали, они должны стать значимыми для человека, который уже есть определенным образом социализованный человек. Социализация осуществляется, разумеется, не в кружках по нравственному воспитанию, а во взаимодействии людей по поводу решения различных практических задач. Мораль не сводится к самопосвящению; мораль — это сторона повседневного взаимодействия людей, в ходе которого происходит согласование интересов, согласование

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

что нормативная позиция, представляемая Ройzmanом, сложнее: задавая правила, он еще указывает на то, что есть некие другие, перед которыми он отвечает. Пусть это некие гипотетические или аллегорические Другие (как я сказал, дети выступают аллегорией вечности), но все равно это некие Другие, с кем Я себя соотносит. Это предполагает коммуникацию. Кто-то скажет, что Другой — это экстериоризированный Я-сам. Но для того, чтобы экстериоризировать себя, Я необходимо прежде интериоризировать Другого и как-то персонифицировать Другого. Однако интериоризация Другого невозможна без признания Другого в его собственном качестве. И в этом смысле Другой выступает для суждений и действий Я гетерономным фактором.

Ю.В. Синеокая. Я думаю, что нам пора переходить к вопросам. Пожалуйста.

А.В. Прокофьев. У меня по одному вопросу к каждому участнику дискуссии. Сначала вопрос к Игорю Анатольевичу, и он связан с предложенным сравнением кантовского и шелеровского образов морали. У меня сложилось впечатление, что Шелер выступает как источник надежды или, во всяком случае, подспорье, с помощью которого можно решить те проблемы, которые у Канта оказываются тупиковыми, парадоксальными, неразрешимыми. Вы указали на то, что Шелер предлагает альтернативную антропологию, а также представление о множественности ценностных систем, у которых есть свои патологии и дисфункции, которые нужно избегать или преодолевать. Однако не попадем ли мы в связи с шелеровской множественностью ценностных систем (и даже моралей) и в связи с необходимостью выявлять их «заболевания» в ситуацию, которая еще более сложна и парадоксальна, чем кантовская? Сам Шелер, занимаясь выявлением ценностных патологий, подчас приходил к странным и совершенно идиосинкратическим выводам (пример — его описание патологий половой любви в работе, связанной со стыдом). Сможем ли мы, используя шелеровскую методологию, избежать чего-то подобного? И как конкретно ее использовать по отношению к нормативно-практическим и теоретическим вопросам, поставленным Рубеном Грантовичем?

И.А. Михайлов. Полагаю, что конечным или, вернее, более последовательным ответом тех, кто опирался бы на Шелера, скорее был бы умеренный этноцентризм: сохранялось бы признание некоторых общечеловеческих принципов, но при этом, возможно, происходила бы конкретизация общих положений, заявленных

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

Вопрос из зала. Рубен Грантович, Вы указали на некоторые отличия морального опыта, возникающего в межличностном общении, в котором встречаются, условно говоря, двое, и в социальном взаимодействии, опосредованном, как вы говорите, действием социальных институтов. Честно говоря, слушая долгий интересный разговор, я так и не понял, где в самом человеке, кроме мышления, основа той морали, о которой столько было сказано? Не думаю, что между двумя и между многими одинаковая (пусть даже только в основных чертах) по отношению к моральному опыту коммуникация. Как мне кажется, два человека могут общаться на одном языке, а, вот, многим выработать общий язык трудно. К тому же на уровне общества возникают дополнительные темы, связанные с общественной, экологической безопасностью и т.п. В общем, в чем вы видите основу морали — не предпосылку ее возникновения, а именно основу? Неужели в человеке? Не является ли основой морали, скорее, наличие большого числа людей, вынужденных взаимодействовать в ограниченном пространстве и в условиях ограниченности ресурсов?

Р.Г. Апресян. Сделанное Вами уточнение: «не предпосылка, а именно основа», — существенна, поскольку предупреждает от наиболее вероятной первой генеалогической реакции на вопрос об основе морали — с чего мораль начинается. Но она также предупреждает от любого по содержанию редукционизма — биологистского, социологистского или психологистского. Но тогда это вопрос о сущности морали. Я уже об этом говорил. Скажу об этом акцентированно: сущность морали — в направленности человека на содействие благу другого человека. Такой ответ представляет собой, на мой взгляд, однозначную реакцию на ваше уточнение: «не предпосылка, а именно основа», — но он недостаточно ясно коррелирует с вашим предположением, что основа морали — скорее в обществе, чем в человеке. Она, говоря вашими словами, прежде всего «в человеке», потому что от человека ожидается озадаченность содействием благу другого и усилия в этом направлении. Но она и «в обществе», поскольку в условиях общежития, присутствия трех и более без упорядоченности несколькими и многими, осуществление этой направленности индивида к содействию благу другого оказывается затрудненным. Такова основа. А потом возникают «приделы», скажем: нормативное предопределение и сопровождение этой направленности, ожидания и требования к практическим и духовным способностям индивида, без которых эта направленность будет трудноосуществимой, социальный порядок, механизмы социальной дисциплины, способствующие плодотворной реализации этой направленности и т.д.

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императивность —
репрессия —
автономия

to influence human decisions, actions, and judgments. In general, claims are determined by goals and values of various kinds, while moral claims represent values in their imposition to practical fulfillment. Imperativity is one of the qualities of moral values, which allows them to influence public practice and human behavior. Regarding this, they differ for example from aesthetic values, which in essence are imperatively neutral. The commanding character of moral values is often perceived by the moral consciousness as a manifestation of their repressiveness, which can be considered as a result of some inner experience of their compelling nature which seems to be rooted in moral value when in fact, it is rooted the persons pretending to represent moral authority. This experience has been reflected in various theories of morality. At the same time, moral imperativity is ideal by its means. Morality presupposes personal self-determination in relation to the values claimed to be put in practice. It is individuals' awareness of values and their free fulfillment that is the pledge of moral dignity of decisions and act is in. This is also a part of inner moral experience. There is some tension between coercion and autonomy of morality, which is manifested both in the nature of moral imperativity and its reflection by moral agents. In the dialog, these features of moral imperativity are analytically distinguished in a brief public discussion and critically reflected in perspective to moral philosophy.

Keywords. morality, values, principles, claims, moral choice, moral experience

For citation: Apressyan R.G., Mikhaylov I. A. Imperativity — Repression — Autonomy // *Chelovek*.2020. Vol. 31, N 3. P. 61–85. DOI: 10.31857/S023620070008745-6

References

1. Apressyan R.G. Normativnaja reguljacija povedenija [Normative regulation of behavior], *Chelovek* [The Human Being]. 2018. N 1. P. 5–19.
2. Arendt H. *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and judgment], transl. by D. Aronson, S. Bardina, R. Gulyaev. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2013.
3. Artemieva O.V. Problema imperativnosti v jetike dobrodeteli [An issue of imperativity in virtue ethics]. *Filosofskaya Mysl* [philosophical Thought]. 2016. N 12. P. 125–138.
4. MacIntyre A. Imperativy, prichiny dejstvija i jetika [Imperatives, Reasons for Action, and Morals], *Logos*. 2008. N 1. P. 138–148.
5. Prokofyev A.V. Social'naja reguljacija i moral' (k voprosu ob istochnikah nravstvennoj normativnosti) [Social regulation and morality (towards a question of sources of moral normality)], *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov: Filosofija* [RUDN Journal of philosophy]. 2014. N 2. P. 24–34.
6. Roisman E. Evgenij Rojzman otvechaet Grigoriju Chkhartishvili [Eugene Roizman replies to Grigori Chkhartishvili], Url: <https://snob.ru/selected/entry/132185> (Date of publication: 11.12.2017, date of access: 11.12.2017).
7. Chkhartishvili G. Mezhdju kompromissom i konformizmom [Between compromise and conformism], Url: <https://snob.ru/selected/entry/132182> (Date of publication: 11.12.2017, date of access: 11.12.2017).
8. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral Consciousness and Communicative Action], transl. by D.V. Sklyadnev. Sain-Petersburg: Nauka Publ, 2001.

Р.Г. Апресян,
И.А. Михайлов
Императив-
ность —
репрессия —
автономия